

Я.Г. Риер
г. Могилев

ЕВРОПА И ЕВРОПЕЙЦЫ: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ

В последнее время слово *идентичность* повторяется столь же часто, как еще недавно такие, как *парадигма* и *ментальность*. Думается, неслучайно термины из профессионального языка этнологов и историков вошли не только в публицистику, но даже в обиходную речь и уже без всяких комментариев используются в СМИ. Нашему обществу, оказавшемуся на рубеже тысячелетий перед необходимостью, но и, что важно, перед возможностью выбрать путь в будущее, действительно необходимо определиться, то есть *идентифицироваться*, с учетом сложившихся *парадигм* развития (то есть закономерностей) и *ментальности* (то есть устойчивых, подсознательных, уходящих в далекое прошлое традиций).

Для историков является триумфом осознание того, что и парадигмы, и ментальность (ментальности) выявляются не на частных примерах и не при анализе локальных явлений, а на изучении больших промежутков развития – так называемой “истории больших длительностей”, причем больших не только во времени, но и в пространстве. Поэтому далее речь пойдет о цивилизационном развитии нашего дома – Европы. И, прежде всего, что же стоит за базальным словом *европейцы*?

Мне уже не раз приходилось обращаться к проблеме становления и специфики средневековых европейских цивилизаций, развитие которых легло в основу современной европейской идентификации: западная (евро-атлантическая) и восточноевропейская цивилизации [1]. Но недавно прочитанная рецензия Е.Е.Бергера на очередной школьный учебник по средневековой истории представителей нового поколения московских медиевистов М.А. Бойцова и Р.К.Шукурова [2] подтолкнула к анализу нового аспекта проблемы “европейскости”: в чем его суть и кто его носители.

И названные авторы и рецензент подчеркнули, что “центром раннесредневековой Европы, безусловно, была Византия”. Позволю себе в этом усомниться. Но названные авторы подчеркивают, что этим тезисом они призывают к дискуссии о традициях преподавания средневековой истории, ибо практически во всех учебниках ее стержнем является изложение истории франков и германцев, что объясняется калькой с западноевропейских учебников, делавших акцент на эти темы той простой причине, что для них это являлось отечественной историей. Это действительно так. Но причины того, что практически все отечественные учебники по зарубежной медиевистике начинаются с истории названных народов – не в подражании и, тем более, не в “низкопоклонстве”, а в динамике исторического процесса, различии исходных форм и разных темпах развития. Ведь не вызывает же недоумения, что Древний мир изучается на материалах Востока и Средиземноморья, а остальная Европа если и упоминается, то только как первобытная периферия.

После гибели Рима именно в Западной Европе происходило динамичное развитие новых отношений, названных позднее феодальными и из тех порядков сложилась основа понятийного аппарата всех историков, изучающих средневековье. Конечно, не обошлось без западного “прозелитизма”: определенное упоение собственным динамизмом (в сравнении с другими регионами) породило у многих западноевропейцев представление о превосходстве своих порядков. Отсюда и экспансия сложившихся в западной историографии концепций на всю мировую историю, и создание единой общемировой исторической периодизации, согласно которой все народы мира должны проходить все выявленные в Западной Европы этапы развития. В наиболее законченном виде эти представления сложились в марксистской исторической концепции, оформившиеся уже в советской историографии в виде единой теории формаций. И, несмотря на ее несостоятельность, выявившуюся уже в ходе дискуссий 30-60-х гг. прошлого века об “азиатском способе производства” и распространение уже в наше время цивилизационных подходов, более гибких в дихотомии общезаконности – региональные особенности, стремление выявить привязать локальное развитие отдельных обществ к единой схеме развития с присущей формационному подходу иерархией сохранилось уже, вероятно, на ментальном уровне части историков, даже относительно молодых, не испытывавших диктата единственно верного учения.

После этой преамбулы обратимся вышеприведенному тезису от том, кто же был главнее в раннесредневековом европейском доме. Отказывая в этом Западной Европе, названные историки зовывают Византию.

Да, с точки зрения общекультурного уровня, прочности государственных связей, развитости и профессионализма чиновничьего аппарата Византийская империя, безусловно, превосходила и империю Каролингов, и империю, созданную германскими королями (ставшую позднее Священной Римской). Но сравнивать можно лишь сходные явления. Между названными же империями различий было больше, причем фундаментальных. Это и формы земельных отношений и, что более существенно, структура и характер правящего сословия: вассально-ленная система на Западе и всеобщее подданство в Византии.

Но главное даже не в этом. Реконструируя и ранжируя структуры прошлого, мы не должны отрывать от представлений того времени. Как воспринимали Европу ее тогдашние обитатели. Византийцы на протяжении многих столетий всех остальных жителей континента считали по античной традиции варварами. Это представление со временем, под впечатлением разделения церквей и крестовых походов даже усилилось. Не было оно преодолено вплоть до гибели империи в середине XV в. Затем презрительно-пренебрежительное отношение к западноевропейцам было унаследовано Москвой вместе с двухглавым гербом Палеологов и возникновением идеи – Москва – третий Рим. Это отношение к западу, между прочим, характерно и теперь для значительной части и российской политической элиты, и духовенства, и остального общества.

А что же Запад? Когда после знаковой битвы 732 г. под Пуатье, когда франки под предводительством Карла Мартелла

остановили арабские набеги и в сообщении об этом событии появилось слово *европейцы*, оно относилось именно к жителям земель франков и их ближайших (по языку и образу жизни) соседей-германцев. И пусть позднее, после получения императорской короны в 800 г. Карл Великий и добивался от Византии признания своего титула, самих византийцев даже западноевропейская элита не включала в единую общность. Вся политика Карла была направлена на объединение именно Западной Европы, чему способствовало и ее уже сложившееся конфессиональное единство под властью папства. Едва ли надо вспоминать, что и в дальнейшем, вплоть до нашего времени под Европой на Западе обычно понимали именно ее западную и центральную части, что отразилось и в первоначальном составе Евросоюза, и в дебатах по его нынешнему расширению. Иными словами, сами европейцы никогда не идентифицировали себя как единую общность в рамках общей территории континента. Известный тезис генерала де Голля о Европе до Урала был лишь отражением некоей стратегической политической идеи и не более того.

И вновь возвращаясь к поискам центра раннесредневековой Европы, следует признать, что такового не было в принципе, как не было и осознания общеевропейской общности. А что же было? Были отдельные очаги специфического развития, из которых выросли несколько цивилизаций. Одна из них – византийская оказалась хронологически старейшей, но не главенствующей. Запад развивался не на основе греко-римского континуитета, как Византия, а на основе германо-римского синтеза. Эта основа оказалась более приемлемой для дальнейшего прогресса, чем византийская. Вобрав в себя германские дружинные порядки со взаимной ответственностью вождей и воинов, с принципами индивидуального хозяйствования в аллодах, закрепленных античными представлениями о собственности и гражданских правах, это общество создало специфический частновладельческий феодализм – сеньориальную систему с сохранением хозяйственной и политической самостоятельности отдельных субъектов, что способствовало позднее созданию и системы парламентаризма, и самоуправляющихся городов с более прогрессивной рыночной экономикой, разрушивших феодальные порядки. В эту цивилизацию вливались в разное время и скандинавские народы, и центральноевропейские (для последних этот процесс завершается на наших глазах).

Византийское общество, вобрав в себя многие восточные, деспотические черты, эволюционировало в том же направлении, что и запад, но значительно медленнее, через преобразования в аграрной сфере. А затем, ослабленное из-за затянувшегося внутреннего кризиса переходного времени погибло под ударами турок-османов.

Восточноевропейское славянское население, так же как и Византия, соседствовавшее с агрессивным восточным кочевым миром, взяв многое от политической и идеологической системы Византии, развивалось обособленно от остальной Европы и создало свою особую цивилизацию.

И все таки признаки единой Европы в ее географических границах существуют. Об этом свидетельствуют известные процессы социокультурной адаптации эмигрантов в различных странах Европы. Жители любой европейской страны относительно легко приспосабливаются в иных странах Европы и Америки (западноевропейских по цивилизационным признакам). Выходцы же с других континентов – нет. Многочисленные в западноевропейских странах выходцы из Азии и Африки в подавляющем большинстве сохраняют свою самобытность и не стремятся (или не могут) воспринимать образ жизни стран пребывания, оставаясь иммигрантами не только формально, но и по сути. То есть европейцев разных регионов континента связывают некие надцивилизационные узы. Какие же?

Ответы надо искать во многих сферах. Но, представляется, в основе лежат исторические судьбы европейского населения, пребывающего уже несколько тысячелетий (с бронзового века) в общей естественно-географической среде, влиявшей на формирование специфических демографических, хозяйственных и историко-культурных признаков. При этом едва ли продуктивно искать некие этнические или

расовые компоненты. Ибо европейцами, в широком смысле, являются и потомки индоевропейцев, и финно-угров; и населения востока Европы, испытавшего тюркское и даже монгольское влияние (народы Поволжья). Конфессиональный аспект принципиальной роли не играет, что подтверждается историей православных общин на Западе, а также известной толерантностью европейских мусульман.

Таким образом, можно констатировать наличие как бы нескольких уровней существования европейцев. Один – цивилизационный, основанный на общности определенной системы ценностей, сложившихся в условиях длительного совместного проживания на общей территории, едиными демографическими, бытовыми представлениями, типами хозяйства, социальных отношений и культуры. Другой – географический, который объединяет, благодаря близости природных условий, основные хозяйственные типы (для Европы – оседлое земледелие) и условия жизни, что и сближает жизненные уклады и миропонимание представителей разных цивилизаций нашего континента.

Очевидно, общим элементом, сближающим всех европейцев, является признание определенных прав личности в качестве основополагающего принципа. Обычно считается, что это – основной признак западного человека. Но и для восточных европейцев это тоже существенно, иначе как объяснить их вышеотмеченную адаптацию на западе? Полагаю, можно констатировать определенную пластичность восточных европейцев. В своей среде они соответствуют принятому образу жизни с общепризнанными коллективистскими чертами, идущими еще от позднепервобытной общины, не знавшей индивидуального земледельческого типа германского аллода или скандинавского одала (что, в принципе, имеет общее происхождение). Но при соприкосновении с западными традициями индивидуального хозяйствования они не ощущают отчуждения от них. Впрочем, не все. И в современной жизни, и в свидетельствах прошлого можно найти и примеры неприятия западных ценностей. Но они не являются массовыми.

Анализируя это явление, нелишне будет вспомнить как у западных славян, при наличии общеславянских традиций общинной жизни, уже с начала II тыс. в ходе известных процессов феодализации (распространения иммунитета, поместной системы, немецкого права) распространялись и постепенно укреплялись западноевропейские цивилизационные приоритеты. Это, при сохранении общеславянской культурной общности, дало повод известному русскому публицисту середины XIX в. Н.Я. Данилевскому упрекать западных славян в подчинении “латинству” и потере славянской души [3]. Но XX в. дал много примеров адаптации и русских, и белорусских, и украинских эмигрантов в западной среде при сохранении своей культурной идентичности. В этом, думается, сказался тот уровень “европейскости”, который я назвал выше географическим. Более углубленный его анализ представляется весьма насущным для дальнейшего исследования.

Литература

1. Рюер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003 (там же основная библиография проблемы).
2. Бергер Е.Е. “Другое средневековье” в школьных учебниках // Средние века. – 2003. – Вып. 64. – С. 370-377.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1995. – С. 189, 408-411.